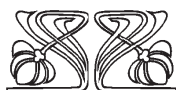
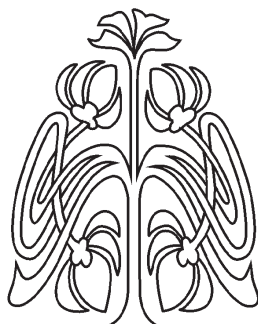
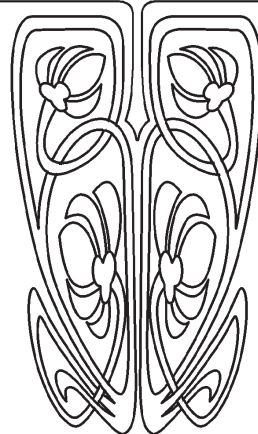




## ЭКОНОМИКА



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–19  
*Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–19  
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-4-19>

Обзорная статья  
УДК 330.34:330.8:338

### Диалог о новой экономической политике: Дж. М. Кейнс и В. И. Ульянов-Ленин

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, [cheremisinov@inbox.ru](mailto:cheremisinov@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

**Аннотация. Введение.** Особый интерес вызывает изучение достижений выдающихся личностей всемирного масштаба, которые внесли свой весомый вклад в экономическую науку, сыграли судьбоносную роль в международной истории политики и хозяйственной деятельности, заложили предпосылки для становления оригинальных школ экономической мысли, названных именами основателей. Таковыми были Джон Мейнард Кейнс и Владимир Ильич Ульянов-Ленин. **Методы и понятия.** Термин «диалог», означающий разговор, беседу, обмен репликами в устной и письменной речи, точно характеризует формат заочного общения Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина. Лично незнакомые, не испытывавшие взаимных симпатий собеседники обращались друг к другу в публикациях и публичных выступлениях, излагая и комментируя высказанные слова, озвученные мысли, совершенные дела и поступки, исповедуемые духовно-нравственные ценности и разделяемые социально-политические идеалы визави. Диалог двух выдающихся персон касался проблем выработки и реализации новой экономической политики в международной сфере и в отдельных странах. **Анализ и интерпретация.** Непосредственным поводом к началу диалога послужило издание в декабре 1919 г. книги Дж. М. Кейнса «Экономические последствия мира», в которой неоднократно упоминалась фамилия В. И. Ленина. Диалог Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина протекал не только в формате публичного обращения друг к другу с указанием фамилии собеседника, но и в скрытой форме реминисценции – воспоминания о сказанном и услышанном, написанном и воспринятом визави. **Результаты.** Взаимное общение Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина поддерживалось в режиме «Ab voce, ad rem» – от слов к делу. Высказанные собеседниками серьезные мысли, находили свое реальное воплощение.

**Ключевые слова:** Дж. М. Кейнс, В. И. Ульянов-Ленин, экономическая политика, экономическая история, история экономической мысли

**Для цитирования:** Черемисинов Г. А. Диалог о новой экономической политике: Дж. М. Кейнс и В. И. Ульянов-Ленин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–19. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-4-19>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review

**The dialogue about the new economic policy: J. M. Keynes and V. I. Ulyanov-Lenin**

**G. A. Cheremisinov**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, [cheremisinov@inbox.ru](mailto:cheremisinov@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>



**Abstract. Introduction.** It is particularly interesting to study the achievements of outstanding personalities on the world scale, those who made a significant contribution to economic science, played a crucial role in the international history of politics and economic activity, laid the prerequisites for the formation of original schools of economic thought, which were named after their founders. Such personalities were John Maynard Keynes and Vladimir Ilyich Ulyanov-Lenin. **Methods and concepts.** The term “dialogue”, meaning a conversation, an exchange of statements in spoken and written speech, precisely characterizes the format of correspondence communication between J. M. Keynes and V. I. Lenin. Having no personal acquaintance with each other, no mutual sympathies, the interlocutors addressed each other in publications and public speeches, setting out and commenting on the words and thoughts, deeds and actions, moral values, social and political ideals shared by the vis-a-vis. The dialogue between the two prominent persons dealt with the problems of developing and implementing a new economic policy in the international sphere and in certain countries. **Analysis and interpretation.** The immediate reason for the beginning of the dialogue was the publication of J. M. Keynes’ book “Economic Consequences of Peace” in December 1919, which repeatedly mentioned the name of V. I. Lenin. The dialogue of J. M. Keynes and V. I. Lenin took place not only in the format of publicly addressing each other, indicating the name of the interlocutor, but also in a hidden form of reminiscence – memories of what was said and heard, written and perceived by the counterpart. **Results.** The communication between J. M. Keynes and V. I. Lenin was maintained in the “Ab voce, ad rem” mode – from words to deeds. Serious thoughts expressed by the interlocutors found their real embodiment.

**Keywords:** J. M. Keynes, V. I. Ulyanov-Lenin, economic policy, economic history, history of economic thought

**For citation:** Cheremisinov G. A. The dialogue about the new economic policy: J. M. Keynes and V. I. Ulyanov-Lenin. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-4-19>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Светлой памяти  
Владимира Викторовича Булатова  
посвящается

## Введение

Предметом исследования истории экономической мысли чаще всего оказываются воззрения ученых, общественных деятелей, научных школ на проблемы теории и истории экономики. Особый интерес вызывает изучение достижений выдающихся личностей всемирного масштаба, которые внесли свой весомый вклад в экономическую науку, сыграли судьбоносную роль в международной истории политики и хозяйственной деятельности, заложили предпосылки для становления оригинальных школ экономической мысли, названных именами основателей. И уж совсем необычным представляется рассмотрение исторических прецедентов, в которых столь неординарные личности вели диалог по широкому спектру вопросов экономической теории и политики, формирования направлений политико-экономической мысли. Таковыми были Джон Мейнард Кейнс – английский экономист, государственный служащий, дипломат, преподаватель высшей школы, участник переговоров на Версальской мирной конференции по итогам Первой мировой войны, один из инициаторов создания Бреттон-Вудской валютной системы, вдохновитель развития научного направления фундаментальной экономической мысли, получившего название «кейнсианство», и Владимир Ильич Ульянов-Ленин – революционный государственный деятель, первый председатель правительства (СНК) РСФСР, организатор Союза Советских Социалистических Республик, основатель «ленинизма» – направления политико-экономической мысли, формировавшегося по ходу бурной общественной активности автора

и охватывавшего теоретико-методологические проблемы экономической науки, практические вопросы социально-экономической политики и хозяйственного строительства.

## Методы и понятия

Термин «диалог», означающий разговор, беседу, обмен репликами в устной и письменной речи, точно характеризует формат заочного общения Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина. Лично незнакомые, не испытывавшие взаимных симпатий собеседники обращались друг к другу в публикациях и публичных выступлениях, излагая и комментируя высказанные слова, озвученные мысли, совершенные дела и поступки, исповедуемые духовно-нравственные ценности и разделяемые социально-политические идеалы визави. Каждый писал или говорил о другом по собственному усмотрению, не ожидая и не получая ответных реплик. И все-таки из взаимных высказываний сложился достаточно связанный разговор, диалог, сосредоточенный вокруг проблем новой экономической политики в самом широком ее понимании.

Словосочетание «новая экономическая политика» в рассматриваемом контексте позволяет передать многомерность предмета исторического исследования. Новизна проблематики экономической политики обуславливалась не столько «злой судьбой» хронологически сменявших друг друга событий, сколько наступившей после военного лихолетья сменой эпох. Завершение Первой мировой войны означало переход от международной хозяйственной системы, сформировавшейся в XIX в., к новому экономическому порядку, к необходимости выработки и проведения новой экономической политики в условиях чрезвычайных разрушений хозяйственного механизма, потерь населения и хозяйственных ресурсов, смены



гегемона мировой экономики. Возникли новые масштабные политико-экономические проблемы: огромной взаимной финансовой задолженности государств-участников войны, разрыва хозяйственных связей, катастрофического падения производства, развала денежной системы, режима порочного круга сохранения кризисной депрессии макроэкономической конъюнктуры. Революционные потрясения привели к возникновению новой социально-экономической системы в России.

Новая экономическая политика имела два измерения – международные отношения и правительственное управление внутри государств. Дж. М. Кейнс говорил о насущности новой политики восстановления экономики Европы с участием нового мирового гегемона – США, о неизбежности отказа от компенсационных выплат по накопившимся взаимным долговым обязательствам европейских стран, о выгоде налаживания сотрудничества Германии и России для решения задач возрождения их национальных хозяйств. В. И. Ленин прислушивался к мудрым советам английского специалиста и учитывал их на исходе Гражданской войны при обосновании правомерности отказа Советской России от выплат по международным долговым обязательствам царской власти и Временного правительства, при переходе от деградации натурального военно-коммунистического хозяйства к новой экономической политике, получившей аббревиатуру «нэп». Диалог двух выдающихся персон касался проблем выработки и реализации новой экономической политики в международной сфере и в отдельных странах.

### **Анализ и интерпретация**

Непосредственным поводом к началу диалога послужило издание в декабре 1919 г. книги Дж. М. Кейнса «Экономические последствия мира» («The Economic Consequences of the Peace» – в русском переводе «Экономические последствия Версальского мирного договора»), посвященной результатам переговоров на Версальской мирной конференции по итогам Первой мировой войны. Название книги имело глубокое смысловое значение. По мнению ее автора, попытки полностью осуществить мероприятия, предусмотренные Версальским мирным договором, заключенным 28 июня 1919 г., способны были вызвать разрушения европейской экономики, сопоставимые с разрушениями, нанесенными войной.

Дж. М. Кейнс размышлял о взаимодействии материальных, естественных факторов и духовно-нравственных, идеологических причин в политических и социально-экономических процессах. Интересным было рассуждение англичанина об

исторической судьбе России, в контексте которого упоминался В. И. Ленин. Великие исторические события нередко бывали результатами вековых перемен в численности населения и прочих фундаментальных экономических причин, постепенное действие которых ускользало от внимания современных наблюдателей, видевших в событиях следствие фанатизма атеистов или ошибок государственных людей. Чрезвычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным: религию, основы собственности, землевладение, политический порядок и сословную иерархию, – оказались, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений императора Николая II. Возможно, что разрушительные силы чрезмерной плодовитости расы играют большую роль в разрыве оков, налагаемых на народ условностями, нежели могущество идей или ошибки автократии [1, с. 6].

Та же тема угрозы перенаселения и порождаемых им экологических, социальных и военно-политических конфликтов стала отправной точкой следующего обращения к фигуре В. И. Ленина. Дж. М. Кейнс утверждал, что многие катастрофы в истории, которые на целые столетия отбросили назад прогресс человечества, были реакцией на внезапное исчезновение благоприятных условий, допустивших рост населения сверх того количества, которое могло быть прокормлено. Аналогичная ситуация сложилась в Европе после заключения Версальского мирного договора. Послевоенное положение европейских стран характеризовалось: абсолютным понижением производительности; расстройством транспорта, обмена и доставки продуктов к местам потребления; невозможностью закупать необходимое количество материалов и продовольствия за океаном и в России. О масштабах возникшей проблемы говорила экспертная оценка, согласно которой население Европы более чем на 100 млн человек превышало то количество, которое могло прокормиться без подвоза извне. Это «избыточное» население жило за счет внешней торговли [1, с. 105, 106].

Ключевой проблемой, препятствующей восстановлению постоянной циркуляции производства и обмена посредством внешней торговли, было расстройство денежно-кредитной сферы и государственных финансов. Чтобы показать всю серьезность последствий деградации денежного обращения в Европе, Дж. М. Кейнс вовлекал в научно-публицистический диалог В. И. Ленина, образ которого ассоциировался с революционной катастрофой в России.



Стилистической особенностью диалога была ирония в обращении к предполагаемым собеседникам. Необычность тирады английского экономиста заключалась в отсутствии указания на источник цитирования или заимствования, из-за чего у читателей могли возникнуть сомнения в достоверности слов, приписываемых вождю российских большевиков как апокриф.

Дж. М. Кейнс писал: «Как говорят, Ленин заявил, что наилучшим средством расстроить капиталистическую систему является разложение системы денежного обращения. Непрерывно производя все новые выпуски кредитных билетов, правительство может тайно и незаметно конфисковать значительную часть богатств своих подданных. ... Этот процесс многих доводит до нищеты, он также обогащает некоторых. Зрелище такого произвольного перераспределения богатств подрывает ... обеспеченность порядка, ... веру в справедливость существующего распределения богатств. Те, кому эта система приносит неожиданную прибыль, помимо их собственных заслуг ... превращаются в “спекулянтов”, которые станоятся предметом ненависти как буржуазии, разоренной ростом бумажного обращения, так и пролетариата. По мере того, как увеличивается количество бумажных денег и действительная ценность денег изменяется с каждым месяцем, все постоянные отношения между должником и кредитором, которые образуют ... основу капитализма, приходят в такое внутреннее расстройство, что теряют почти всякий смысл, и процесс накопления богатства вырождается в азартную игру или лотерею. Ленин без сомнения прав. Не может быть более хитрого, более верного средства для того, чтобы опрокинуть основу общества, чем расстройство денежного обращения» [1, с. 106].

Дж. М. Кейнс размышлял о причинах, которые побудили правительства пойти по пути социальной и хозяйственной деградации, и о трудностях возвращения к упорядоченной жизни мирного времени. В конце войны и после ее завершения европейские правительства из нужды или по неумению делали то, что большевик хотел бы делать предумышленно. Проявляя в своих методах не только слабость, но легкомыслие, они старались направить против класса капиталистов-предпринимателей, активного и конструктивного элемента капиталистического общества, прозванного «спекулянтами», народное негодование, вызванное следствиями их губительных методов, делали еще один шаг по пути рокового процесса, который сознательно придумал тонкий ум Ленина. Эти правительства в скором времени сделают невозможным продолжение социального и экономического порядка XIX в. Но чем заменить его, они себе не представляют [1, с. 107, 108].

Дж. М. Кейнс писал о России не как праздный сторонний наблюдатель, а как британский государственный служащий, активно участвовавший в военно-политических и социально-экономических делах Российского государства, но прекративший эту внешнеполитическую деятельность к моменту написания книги «Экономические последствия мира».

В феврале 1917 г. Дж. М. Кейнс был назначен главой нового подразделения «А», созданного на базе финансового отдела Казначейства Великобритании для работы с внешними финансами. Необходимость формирования специального отдела регулирования международных финансовых потоков возникла в 1916 г., когда иссякли собственные ресурсы Англии для покрытия своих военных расходов и предоставления займов на военные нужды союзникам, в первую очередь Франции и России. Способность Британии воевать на континенте оказалась в полной зависимости от американского правительства, а стабильность валют стран Антанты и их международных финансовых взаимоотношений обеспечивалась возможностью англоязычных заимствовать у США достаточное количество долларов на оплату союзнических расходов [2, с. 369, 373].

Краткое резюме государственной деятельности английского ученого-экономиста в рассматриваемом периоде, сделанное его биографом, весьма показательно. Служебное продвижение Дж. М. Кейнса предоставило ему возможность находить утешение своим «антицаристским чувствам» в российских событиях. Февральская революция 1917 г. в России заметно ободрила казначейского клерка. Постепенное втягивание в войну Америки и перспективы выхода из нее России обещали облегчение финансовой напряженности. После июля 1917 г. Дж. М. Кейнс начал отказывать Временному российскому правительству в новых кредитах. Документальных свидетельств о том, как он принял Октябрьскую революцию 1917 г., не сохранилось. Его последним вмешательством в российские дела стала разработка действовавшей с 1918 по 1920 г. схемы валютного управления для белого правительства в Архангельске [2, с. 373, 374]. Впрочем, последний факт биографического описания не хуже документальных подтверждений свидетельствовал об отношении Дж. М. Кейнса к правительству большевиков во главе с В. И. Лениным, захватившему власть в результате Октябрьской революции.

Предпосылки интервенции стран Антанты на российский Север возникли в разгар мировой войны. Непосредственным поводом к такому развороту событий послужило заключение 15 декабря 1917 г. перемирия между Советской Россией и Германией с ее союзниками, а также





начало переговоров о заключении Брестского мира. Государства Антанты не признали революционную Советскую власть, считали большевиков прогерманским правительством, и 20–23 декабря 1917 г. в ходе обсуждения возможности военной интервенции в Россию было выработано англо-французское соглашение о разграничении сфер влияния при осуществлении вмешательства в российские дела.

Высший военный совет Антанты 1–3 июня 1918 г. принял решение о занятии союзными войсками Мурманска и Архангельска, об отправке на Русский Север контингента британских, французских, американских и итальянских военных. Два отряда кораблей, вышедших из Мурманска 30 и 31 июля 1918 г., обеспечили высадку войск Антанты в Архангельске 2 августа 1918 г. При содействии интервентов было создано антибольшевистское правительство Севера России [3, с. 66–68].

Мотивы и цели иностранной интервенции и доводы в пользу ее обоснования и оправдания были разнообразными и неструктурированными. Их перечень в специальной научной литературе представлен развернуто. Прежде всего, страны Согласия руководствовались военно-стратегическими соображениями, стремлением восстановить Восточный фронт и вновь ввергнуть Россию в мировую войну, захватив морские порты и плацдарм Северного края, защитить созданные там иностранные военные склады. Союзники старались воспользоваться в своих интересах местническими и сепаратистскими настроениями региональных политиков, оказать помощь русским в организации вооруженных сил белой армии на Севере. Антибольшевистская направленность государств Антанты объяснялась неприятием прогерманской внешнеполитической ориентации Советского правительства и политико-идеологическими соображениями: отрицанием идей и политических действий коммунизма, страхом глобального распространения революционного террора. Однако позиция союзников была противоречивой – борьба с коммунизмом до победного конца соседствовала с попытками содействия диалогу и примирению враждующих группировок в России. Не менее важным, но не афишируемым мотивом интервенции были экономические интересы держав Согласия, борьба за раздел сфер их влияния в России. Богатейшие ресурсы, возможности получить выгодные лесные и железнодорожные концессии, контроль над двумя портами (Архангельском и незамерзающим Мурманском) поощряли интервенцию в северный регион с целью приобрести надежную залоговую гарантию погашения предоставленных России займов. Как политический вызов

был воспринят отказ от возмещения Советской властью иностранных долговых обязательств, законодательно оформленный «Декретом об аннулировании государственных займов» от 3 февраля 1918 г. [3].

Иностранные интервенты стали инициаторами, вдохновителями, организаторами и соучастниками Гражданской войны в России. Об этом говорил В. И. Ленин, выступая 29 июля 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, Фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы: «Из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контрреволюционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь ... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. <...> Это одна война, надвигающаяся на Россию. <...> Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну» [4, с. 13, 17].

Ведущую роль в интервенции на Русском Севере играла Великобритания, считавшая регион своей сферой влияния. Британское руководство курировало ключевые вопросы военной политики и жизнеобеспечения Северного края, финансировало львиную долю расходов союзников. Англичане командовали экспедиционным корпусом и всеми вооруженными силами на Севере, составляли основу интервенционистского контингента и морского соединения военных судов, Онежской озерной и Северо-Двинской речной флотилий. Британские генералы, дипломатические представители и глава Эмиссионной кассы обеспечивали существование местного правительства, управляли Северной областью в оккупационном режиме [3, с. 178, 179].

Проблема восстановления денежно-финансовой системы возникла после вывоза из Архангельска большевиками всех денежных средств казначейства. Местное правительство приняло решения о заимствовании денежных средств у кооперативных организаций, штемпелевании чеков Архангельского отделения Госбанка – «моржовок», о выпуске краткосрочных обязательств «Займа доверия»; но англичане посчитали принятые меры недостаточными [3, с. 80].

Дж. М. Кейнс разработал проект системы денежного обращения Северной России на основе обеспеченной золотом эмиссии Банком Англии «северных рублей», который был отправлен в Архангельск 31 августа 1918 г. [3, с. 81]. Предложенная схема циркуляции северных рублей во многом напоминала систему обращения индийской валюты – рупии. Анг-



лийскому экономисту пригодился полученный в начале его карьеры опыт государственной службы в Управлении по делам Индии [2, с. 218].

Дж. М. Кейнс смог разглядеть в денежной системе Индии, вопреки господствовавшему мнению о ней как о половинчатом или «прихрамывающем» золотом стандарте, прообраз валюты будущего – золотообменный стандарт, который позволяет экономить золото во внутренних и международных расчетах, повышает эластичность денег в зависимости от потребностей бизнеса и государственной власти. Золото, необходимое для платежей за границу, дешевле получать в одном из финансовых центров мира, открыв кредит, который по первому требованию можно конвертировать в золото. Британский экономист уловил тенденцию эволюции денег, предвидел смену международного золотого стандарта более привлекательной системой, основанной на бумажных деньгах, имеющих паритет с золотом, искусственно поддерживаемый за счет зарубежных кредитов одного из центров резервной валюты [2, с. 312, 314].

Мысли, высказанные накануне Первой мировой войны, Дж. М. Кейнсу удалось воплотить в конце Второй мировой войны, при создании в 1944 г. международной Бреттон-Вудской валютной системы. Факт активного участия английского экономиста в работе и принятии решений Бреттон-Вудской Валютно-финансовой конференции Объединенных Наций широко известен. Возможно, что успешное завершение усилий по созданию золотообменной денежной системы было подготовлено опытом практической апробации аналогичной системы денежного обращения при финансировании антибольшевистского правительства в Архангельске в период иностранной интервенции на Русском Севере в 1918–1919 гг.

Проект Дж. М. Кейнса был принят. Временное правительство Северной области 11 ноября 1918 г. учредило Государственную эмиссионную кассу, которая стала выпускать заготовленные в Лондоне «северные рубли». Они обеспечивались депозитом в валюте Банка Англии и эмитировались по твердому курсу – 40 рублей за 1 фунт стерлингов. Британцы должны были покупать новые денежные знаки для своих нужд, а архангельское правительство получало займы в размере одной трети от выпускаемых «северных рублей» под гарантию лесных ресурсов Северной России [3, с. 105].

Результаты двух эмиссий «северных рублей», произведенных в конце 1918 г. и в 1919 г., оказались противоречивыми. Выпуск твердой валюты, пригодной для внутренних и внешних расчетов, сопровождался завязыванием большого

узла трудноразрешимых проблем в условиях военного времени и сохранения обременительного дефицита бюджета Временного правительства Северной области. Попытки британских представителей добиться скорейшей и полной замены «северными рублями» находившихся в обращении иных денежных знаков не увенчались успехом [3, с. 105, 106].

Положение Северного края определялось критическим состоянием финансов ее временной администрации, неспособной самостоятельно вести дорогостоящую войну, полностью зависимой от союзников, особенно от англичан, от снабжения товарами из-за рубежа. Финансовая политика правительства привела экономику и население Северного края к краху и стала одной из главных причин, побудивших союзников к прекращению иностранной интервенции и выводу из области своих войск [3, с. 152–154].

В августе 1919 г. началась эвакуация иностранных войск с Русского Севера. 27 сентября последние корабли с военными союзников оставили за бортом Архангельск, а 12 октября корабли интервентов покинули Мурманск. Военная интервенция стран Антанты на Севере России завершилась. Падение антисоветского Севера стало вопросом времени [3, с. 123, 127, 155, 160–163].

Эвакуация войск союзников с Русского Севера совпала по времени с крупными успехами белой армии на других фронтах. Возможно поэтому Дж. М. Кейнс написал в «Экономических последствиях мира» о том, что большевизм сгорел в пламени Гражданской войны [1, с. 114]. Однако к концу осени 1919 г. обстановка на фронтах Гражданской войны коренным образом изменилась в пользу советской Красной армии. И для соучастника организации неудавшейся английской интервенции в Архангельске тема свержения в Советской России правительства большевиков во главе с В. И. Лениным к концу 1919 г. стала уже не столь актуальной.

Бесславная военная кампания англичан на Русском Севере переориентировала мировоззрение Дж. М. Кейнса в сторону признания советской державы как новой исторической реальности и целесообразности полноценного возвращения российской экономики в систему международного разделения труда с выгодой для европейских стран.

В последней главе «Экономических последствий мира», названной «Средства восстановить Европу», Дж. М. Кейнс предложил обсудить разработанную им программу, состоящую из четырех пунктов: пересмотр мирного договора; погашение взаимной задолженности союзников;



международный заем; отношения Центральной Европы к России. Второй и четвертый пункты заявленной программы непосредственно затрагивали российские политико-экономические интересы [1, с. 117].

Ученый-экономист попытался убедить политических лидеров решить проблемы взаимной задолженности союзных государств самым быстрым и радикальным образом – полным уничтожением вызванной потребностями войны задолженности между правительствами стран Согласия. Огромный военный долг представлял угрозу устойчивости финансового положения европейских стран, и отказ от платежа превращался в важный политический вопрос. Колоссальный и хаотический ворох бумажных обязательств был наследством, завещанным финансами военного времени внутри стран и за границей. В конце войны каждый оказался должен своему соседу огромные суммы денег. Германия должна громадные деньги репараций союзникам; союзники должны громадные суммы Великобритании; а Великобритания должна огромные деньги Соединенным Штатам. Все положение оказалось искусственным, запутанным и несносным. Надо было освободиться от этих бумажных пут [1, с. 123, 127].

Подводя итоги обсуждению злободневных вопросов послевоенной жизни, Дж. М. Кейнс фактически констатировал, что Россия всегда была одним из важнейших узлов международных политико-экономических отношений в Европе, и деструктивные стремления ограничить ее внешнюю политическую и экономическую деятельность на континенте наносят ущерб европейским странам. Разговор о способах восстановления экономической жизни Европы затронул ряд особенно важных сторон «русской проблемы».

Первый пакет обсуждаемых вопросов касался внешнеполитических и военных аспектов: вмешательства иностранных государств в Гражданскую войну на территории России с целью свержения власти большевиков; возможного военного союза России и Германии; блокады Советской России, отказавшейся платить по своим зарубежным государственным долговым обязательствам.

Дж. М. Кейнс убеждал, что страх в известных кругах от возможного соединения военных сил России и Германии не имеет оснований. Действительное единство целей между Лениным и германским правительством, представлявшим преимущественно средние классы страны, немыслимо. Те же самые круги еще более трепетали перед успехами большевизма; но этим людям следует признать, что единственные реальные силы для борьбы с большевизмом

внутри России – контрреволюционеры, а вне ее – восстановление порядка и власти в Германии. Сторонники прямого и косвенного вмешательства в русские дела впадали в противоречие со своими целями [1, с. 131, 132].

Объективной основой для понимания возможного восстановления отношений Центральной Европы с Россией было сложившееся международное разделение труда. На протяжении полувека до Первой мировой войны вокруг Германии группировалась европейская экономическая система. Ускорявшийся рост экономики Германии доставлял ее соседям возможность сбыта продуктов, взамен которых немецкие предприниматели удовлетворяли их потребности по низким ценам. Германия была первым покупателем у России и первым поставщиком товаров для России. В экспортных потоках Германии в 1913 г. Россия занимала третье место, уступая только Великобритании и Австро-Венгрии, а в импортных потоках – второе место, уступая только США [1, с. 7, 8, 85].

До войны Западная и Центральная Европа получала из России значительную часть необходимого ей зернового хлеба. Поэтому блокада России, провозглашенная в 1919 г. союзниками, представляла неразумную и близорукую меру. По мнению Дж. М. Кейнса, западные страны блокировали не столько Россию, сколько самих себя [1, с. 133].

Процесс оживления российского вывоза будет медленным, ибо низкая производительность русского крестьянина не создает излишка для вывоза в довоенном масштабе. Основные причины бедственного положения: недостаток сельскохозяйственного инвентаря и вспомогательных средств; отсутствие стимулов производства из-за невозможности крестьянина обменивать свои продукты на скудные товары городской промышленности; разруха транспорта мешает накоплению излишков на местах, в центрах распределения [1, с. 133].

Английский экономист не видел иной возможности восстановления производительности российского сельского хозяйства кроме посредства германской предприимчивости и организации. Такая задача по географическим и иным условиям не по силам англичанам, французам и американцам; у них нет ни стимулов, ни необходимых средств [1, с. 133].

Собственный интерес англичан, утверждал Дж. М. Кейнс, требует, чтобы скорее германские агенты и организаторы смогли в каждой русской деревне привести в движение мотивы к экономической деятельности. Этот процесс не зависит от форм правящей власти в России. Если в условиях единого мирового рынка англичане будут препятствовать Германии обмениваться продуктами



с Россией и питаться, ей придется конкурировать с ними, домогаясь продуктов Америки. Чем легче англичанам удастся разорвать экономические отношения между Россией и Германией, тем сильнее они понизят свой собственный уровень жизни и увеличат серьезность своих внутренних проблем. Аргументы говорят против политики экономического развала великих государств [1, с. 133, 134].

Книга «Экономические последствия мира» была издана 12 декабря 1919 г., а уже к августу 1920 г. ее мировые продажи превысили 100 тысяч экземпляров, и она была переведена на более чем десяток языков [2, с. 427, 439]. Появление названной публикации в России глубоко взволновало В. И. Ленина и побудило советского политического лидера к началу заочного диалога с Дж. М. Кейнсом. Высказывания В. И. Ленина о Дж. М. Кейнсе несли на себе отпечаток текущего политико-экономического момента, и их восприятие и интерпретация предполагают понимание исторического контекста.

Обращение В. И. Ленина к Дж. М. Кейнсу и его ставшей бестселлером книге, вероятно, имело несколько поводов, среди которых допустимо предположить личные мотивы и профессиональную политическую деятельность. Личный интерес мог возникнуть из-за неоднократного упоминания английским экономистом фамилии В. И. Ленина, причем в корректной, уважительной форме. Публикацию «Экономических последствий мира» можно было считать неофициальным признанием международного статуса Советской России и ее политического руководителя, что было чрезвычайно важно в условиях объявленной Верховным советом Антанты 10 октября 1919 г. торговой блокады нашей страны. Снятие блокады в январе 1920 г. не сопровождалось дипломатическим признанием правительства большевиков.

Будучи профессиональным политиком, В. И. Ленин не мог пропустить обсуждение Дж. М. Кейнсом важнейших геостратегических проблем: полномасштабного возвращения России в послевоенную систему международного разделения труда и внешней торговли; репарационных платежей и погашения взаимной финансовой задолженности союзников; отказа правительства большевиков от уплаты по российским государственным долговым обязательствам; прекращения Великобританией экономически невыгодной блокады России; налаживания взаимовыгодного российско-германского сотрудничества.

Исключительно высоко оценил В. И. Ленин практическую полезность книги Дж. М. Кейнса «Экономические последствия мира». В письме Е. А. Преображенскому 29 июня 1920 г. В. И. Ленин дал указание: «Заставьте Государственное

издательство быстро издать (с сокращениями) книгу Keynes: “The economic consequences of the peace”» [5]. В телефонограмме Л. Б. Каменеву 17 июля 1920 г. Ленин распорядился: «Надо обратить наибольшее внимание на то, чтобы собирать английскую литературу, посвященную доказательству того, что английской буржуазии выгоднее торговые соглашения с советскими республиками, чем бездоходные и даже разорительные попытки подавить их. <...> Через особых людей надо организовать систематический сбор, закупку, не жалея денег, и посылку нам ... книг, статей, брошюр, вырезок из газет ... по вопросам новейшей экономики. Как образец может служить книга Кейнса “Экономические последствия мира”» [6, с. 241].

Если в вышеуказанных управленческих директивах книга и фамилия Дж. М. Кейнса были упомянуты однократно, то в «Докладе о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала» 19 июля 1920 г. многократное обращение к английскому экономисту-дипломату охватило почти четверть текста публичного выступления вождя большевиков.

Главной обсуждаемой проблемой была взаимная финансовая задолженность стран после окончания Первой мировой войны. В. И. Ленин говорил: «Мы знаем, что долги главных европейских государств выросли с 1914 по 1920 г. не меньше, чем в семь раз. Приведу ... один экономический источник, который приобретает особенно большое значение, это – Кейнс, английский дипломат, автор книги “Экономические последствия мира”, который по поручению своего правительства участвовал в версальских мирных переговорах, наблюдая их непосредственно с чисто буржуазной точки зрения, шаг за шагом изучал дело детально и, как экономист, принимал участие в совещаниях. Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс ушел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие» [7, с. 219].

Далее В. И. Ленин, ссылаясь на авторитет Дж. М. Кейнса, подтвердил обоснованность и справедливость отказа России от оплаты государственных долговых обязательств: «Недавно, когда Красин имел случай беседовать с Ллойд Джорджем, как представитель Российского советского правительства, на тему о долговых договорах, он наглядно выяснил ученым и политикам, вождям





английского правительства, что если они рассчитывают и долги получить, то они в странном заблуждении находятся. И заблуждение это вскрыл уже английский дипломат Кейнс. Дело ... не в том, что русское революционное правительство не хочет платить долгов. Какое угодно правительство не могло бы заплатить, потому что эти долги есть ростовщический начет на то, что уже 20 раз оплачено, и этот же самый буржуа Кейнс, нисколько не сочувствующий русскому революционному движению, говорит: “Понятно, что этих долгов считать нельзя”» [7, с. 220].

С революционным настроением в соответствии с духом международного коммунистического форума В. И. Ленин вступал в заочный диалог с Дж. М. Кейнсом: «Нас ... эти долги не беспокоят, потому что мы немножко раньше, чем появилась книжка Кейнса, последовали его прекрасному совету – все долги аннулировали. Кейнс только обнаруживает при этом обычную ... странность: давая свой совет аннулировать все долги, он говорит, что ... Франция только выиграет, ... Англия потеряет не очень много, ибо все равно с России ничего не возьмешь; порядком потеряет Америка, но Кейнс рассчитывает на американское “благородство”! На этот счет мы разойдемся во взглядах с Кейнсом и с другими мещанскими пацифистами» [7, с. 221].

Своеобразным ответом на пассаж Дж. М. Кейнса в «Экономических последствиях мира» о словах Ленина про инфляцию, разрушающую капиталистическую экономику, были рассуждения советского лидера о том, что чрезвычайное понижение ценности денег ведущих европейских держав «показало, как “механика” мирового капиталистического хозяйства распадается целиком. Тех торговых отношений, на которых держится при капитализме получение сырья и сбыт продуктов, нет возможности продолжать ... в силу изменения стоимости денег. <...> И тот же Кейнс, прошедший огонь и воду, и медные трубы версальских переговоров, вынужден признать эту невозможность, несмотря на всю его непреклонную решимость защищать капитализм, несмотря на всю его ненависть к большевизму» [7, с. 223].

И сразу же после такой неоднозначной характеристики английского ученого В. И. Ленин использует его как союзника в политической агитации: «Я не думаю, чтобы хоть одно коммунистическое или вообще революционное воззвание могло по своей силе сравниться с теми страницами у Кейнса, где он рисует Вильсона и “вильсонизм” на практике. Вильсон был идолом мещан и пацифистов вроде Кейнса..., которые ... надея[ли]сь, что Вильсон спасет “социальный мир”, примирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы. Кейнс разоблачил

наглядно, как Вильсон оказался дурачком, и все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, деятельной, купцовской политикой капитала в лице господ Клемансо и Ллойд Джорджа» [7, с. 223–224].

На волне полемики и риторики, вовлекая в разговор Дж. М. Кейнса, В. И. Ленин обозначил вектор дальнейших внешнеполитических шагов России по налаживанию взаимовыгодных отношений с Германией: «Кейнс ... вышел в отставку и бросил своему правительству в лицо книгу, это правительство изобличающую. <...> Буржуа Кейнс говорит, что англичане должны для спасения своей жизни, для спасения английского хозяйства добиться, чтобы между Германией и Россией возобновились свободные торговые отношения! Каким же образом можно этого добиться? Таким образом, что аннулировать все долги, как предлагает Кейнс!» [7, с. 225–226].

Особенности рассматриваемого исторического периода заключались в том, что российская экономика к концу Гражданской войны деградировала до натурального, почти безденежного хозяйства, до натурального налогообложения и формирования бюджета в режиме продовольственной разверстки, до фактического прекращения внешней торговли, до развала важнейших отраслей промышленности и падения сельского хозяйства. По мере деградации национальной экономики усиливалась роль государства в поддержании ее жизнедеятельности: частная собственность замещалась государственной собственностью в процессе национализации, товарно-денежные, рыночные механизмы экономического регулирования замещались директивно-плановым управлением, ориентированным на натуральные показатели. Формирование аномальной, чрезвычайной экономической системы дополнялось примитивной, ортодоксальной коммунистической идеологией, которая была антагонистически направлена на дальнейшее разрушение капиталистической системы внутри отдельных стран и во всем мире.

В столь непростой ситуации руководству Советского государства пришлось повернуть колесо истории вспять, в направлении перехода к мирной жизни, к разработке новой экономической политики внутри страны и на международной арене.

Резкий разворот политического курса – отказ от призывов к мировой революции и приглашение к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества для послевоенного восстановления мирового хозяйства и национальных экономик – стал поводом для очередного разговора о Дж. М. Кейнсе в «Докладе о концессиях», который делал В. И. Ленин 6 декабря 1920 г. на Собрании актива Московской организации РКП(б): «Если внимательно про-



читать ... декрет от 23 ноября о концессиях, вы увидите, что мы подчеркиваем значение мирового хозяйства и делаем это умышленно. <...> Для восстановления всемирного хозяйства нужно использовать русское сырье. <...> Это признает чистейший буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу “Экономические последствия мира”» [8, с. 69–70].

Диалог Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина протекал не только в формате публичного обращения друг к другу с указанием фамилии собеседника, но и в скрытой форме реминисценции – воспоминания о сказанном и услышанном, написанном и воспринятом визави. Основанием для необычного суждения может служить интерпретация одной из самых известных и противоречивых работ В. И. Ленина «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)», датированной 21 апреля 1921 г., изданной отдельной брошюрой и переведенной на немецкий, английский и французский языки в том же году.

Некоторые положения, выдвинутые В. И. Лениным в брошюре «О продовольственном налоге», либо напоминают фрагменты рассуждений Дж. М. Кейнса в книге «Экономические последствия мира», либо звучат как отклики и даже формулируются как практические мероприятия, признающие прагматичную целесообразность и пользу адресованных российскому руководству советов английского экономиста.

В. И. Ленину пришлось решать непростую двуединую задачу: во-первых, унять ретивых противников предлагаемых мероприятий новой экономической политики (нэп), доказать ревнивым приверженцам ортодоксальной коммунистической идеологии, что возвращение к капиталистическому предпринимательству на основе частной собственности и рыночных регуляторов хозяйственной деятельности не означает отказа от социалистической (социально ориентированной) политики государственной власти большевиков; во-вторых, привести аргументы в пользу заинтересованности Советского правительства в развитии долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества с крупным бизнесом ведущих мировых, особенно европейских держав. Переплетение обеих сюжетных линий пронизывало всю рассматриваемую публикацию, которая далеко выходила за рамки политической риторики, содержала глубокий теоретико-методологический и научно-практический, макроэкономический и институциональный анализ послевоенной российской экономики в контексте международного хозяйства.

Анализируя состояние экономики России, В. И. Ленин объяснил место государства как осо-

бого, самого сильного субъекта хозяйственной, предпринимательской деятельности, имеющего собственные интересы, не совпадающие с интересами остальных субъектов национальной социально-экономической системы. Несомненным научно-практическим достижением основателя ленинизма (специфического течения мировой экономической мысли) следует признать разработку теоретической модели многоукладной экономики, в которой были выделены элементы общественно-экономических укладов: «1) патриархальное, т.е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм» [9, с. 207].

Модель многоукладной экономики имела два измерения: во-первых, иерархию, соподчинение, когда последующий по списку уклад был сильнее предыдущего, доминировал над ним; во-вторых, историческую последовательность, когда очередной уклад понимался как прогресс, подъем по ступенькам исторической лестницы. Стало быть, государственно-монополистический капитализм, государственный капитализм представлял собой необходимую стадию, ступеньку к государственному социализму. Такое гибкое моделирование остужало накал политико-экономических страстей внутри России и уменьшало негативные эмоции в западных странах, вызванные вынужденной перестройкой российской экономики на военно-коммунистический лад и объективной необходимостью расширения государственного предпринимательства за счет частного ведения дел.

Конкретным примером государственного капитализма В. И. Ленин называл Германию: «Здесь мы имеем последнее слово современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерско-буржуазному империализму. ... Поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм» [9, с. 210].

Оценка ситуации в российской экономике и рассуждения о продналоге, свободе торговли и концессиях, выделенные в особый раздел публикации В. И. Ленина, напоминали осмысление Дж. М. Кейнсом состояния разрушенной послевоенной экономики Европы. Отчетливые реминисценции с книгой английского ученого создают предпосылки для интерпретации содер-



жания брошюры «О продовольственном налоге» и герменевтической номинации ее уточняющего названия – «Экономические последствия гражданской войны в России».

Дж. М. Кейнс и В. И. Ленин затрагивали общие проблемы: падение производства во всех отраслях экономики; расстройство транспорта, обмена и доставки продуктов к местам потребления; невозможность закупать достаточное количество материалов и продовольствия; развал денежно-кредитной сферы и государственных финансов; низкая производительность русского крестьянина, обусловленная недостатком сельскохозяйственного инвентаря и вспомогательных средств, отсутствием стимулов производства из-за невозможности обменивать свои продукты на промышленные товары. Ключевой проблемой послевоенного восстановления экономики было налаживание исходного общественного разделения труда между городом, промышленностью и сельской местностью, аграрным сектором. Первоочередным признавался подъем сельского хозяйства – источника пищевых продуктов и сырья. Особые проблемы России создала Гражданская война, которая довершила разорение экономики и почти полностью разрушила крупную фабрично-заводскую промышленность, перешедшую в собственность государства в процессе национализации.

В. И. Ленин писал, что Гражданская война 1918–1920 гг. чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление ее производительных сил. Неурожай 1920 г., бескормица, падеж скота еще сильнее задержали восстановление транспорта и промышленности, отразились на подвозе крестьянами дров. Политическая обстановка к весне 1921 г. неотложно потребовала самых экстренных мер. Для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Следует обменивать крестьянские продукты на продукты промышленности. Восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство нет возможности. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т.п. Значит, необходимо помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы [9, с. 218, 220–221].

Отсутствие условий быстрого воссоздания и дальнейшего развития крупной индустрии в России за счет собственных средств побуждало советское руководство к поиску альтернативных источников хозяйственных ресурсов и передового производственно-технологического опыта. Обоснованию необходимости и возможности привлечения к сотрудничеству на основе взаимной выгоды капиталистов-предпринимателей, прежде всего зарубежных, были посвящены рассуждения о государственном капитализме.

Отправным пунктом политико-экономического дискурса председателя СНК было утверждение, что возможно сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом. Примерами возможных видов государственного капитализма назывались: концессия; аренда государственных заведений, промыслов, участков земли, леса; комиссионная торговля государственными продуктами [9, с. 222, 223].

В. И. Ленин писал, что концессии – это договор, союз советской государственной власти с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Концессионер-капиталист соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли или редкого сырья. Советская власть получает выгоду от развития производительных сил и быстрого увеличения продуктов. Насаждая государственный капитализм в виде концессий, советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим. Концессионная политика может улучшить в кратчайшие сроки состояние производства, положение рабочих и крестьян – конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту ценнейших продуктов. Налицо здесь формальный, письменный договор с наиболее культурным, передовым, западноевропейским капитализмом [9, с. 223–224]. Таким образом, прозвучал призыв к налаживанию международного сотрудничества; иностранный капитал был приглашен в Россию на взаимовыгодных условиях.

Переход к нэпу создал предпосылки для реализации концессионной политики. В 1921 г. СНК РСФСР утвердил сдачу первых концессий зарубежным предпринимателям. На территории СССР в 1920-е гг. первое место по количеству поданных концессионных предложений и количеству заключенных концессионных договоров занимала Германия. Во многом такое положение определялось отношениями между Советской Россией и Германией, сложившимися после Ра-



палльского договора, подписанного 16 апреля 1922 г. в период работы международной Генуэзской конференции [10, с. 26, 120, 123, 130].

Решение о созыве Генуэзской конференции было принято на совещании Верховного совета Антанты 6 января 1922 г. Одной из целей предполагавшейся международной встречи по экономическим и финансовым вопросам было желание ведущих мировых держав заставить Советскую Россию оплатить долги Российского имперского правительства и Временного правительства. Но замысел западных политических лидеров не учитывал жесткости занятой советским руководством позиции полного отказа от погашения государственных долговых обязательств.

Незадолго до обнаружения инициативы стран Антанты В. И. Ленин вновь подтвердил неизменность принятого решения и упомянул Дж. М. Кейнса в выступлении 23 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов с отчетом ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике Республики». Вождь большевиков говорил: «Знаменитый писатель Кейнс, книжка которого переведена на все языки, который сам участвовал в версальских переговорах, который всю душу вкладывал в то, чтобы помочь своим правительствам, ... должен был бросить этот путь, ... продолжая проклинать социализм. <...> Он говорит капиталистическому миру: “То, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному, и даже предлагает им ... аннулировать все долги. Очень хорошо господа! Давно бы вам пора последовать нашему примеру» [11, с. 294–295].

Председателем делегации РСФСР на Генуэзскую конференцию, которая проходила 10 апреля – 19 мая 1922 г., был назначен В. И. Ленин, а заместителем председателя делегации Г. В. Чичерин. Ленин руководил подготовкой российской делегации к конференции, давал указания по поводу отстаивания интересов советской державы и налаживания политико-экономических отношений с зарубежными политическими и деловыми кругами. Наставляя представителей российской дипломатической миссии, ее председатель обращал их внимание на Дж. М. Кейнса.

В «Проекте директивы заместителю председателя и всем членам генуэзской делегации» от 1 февраля 1922 г. В. И. Ленин указывал, что все члены делегации должны знать превосходно книгу Кейнса («Экономические последствия мира») и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги. Подготовиться надо так: в речах и заявлениях кратко излагать коммунистическую точку зрения, но данной аудитории ставить вопрос о необходимости аннулировать все долги и т.п. с точки зрения буржуазной [12, с. 375].

В «Проекте постановления ЦК РКП(б) О задачах советской делегации в Генуе» от 24 февраля 1922 г. В. И. Ленин предлагал программу действий и необходимые меры по ее реализации, объяснял: «...мы пришли за торговым соглашением и за попыткой соглашения с пацифистской частью другого (буржуазного) лагеря», представителями которой «следует считать и называть мелкобуржуазную, пацифистскую и полупацифистскую демократию, ... затем ... Кейнса и т.п.» [13, с. 407].

В поправках и замечаниях к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции 23 марта 1922 г. В. И. Ленин предложил ограничиться указанием на то, «что взгляды коммунистов не совпадают со взглядами таких пацифистов, каковыми являются те государства, с которыми мы начинаем переговоры, государственные работники, подобные ... Кейнсу и т.д., но, что мы считаем своим долгом в целях достижения желаемого нами экономического соглашения сделать все зависящее от нас для ... выполнения хотя бы доли этой пацифистской программы» [14, с. 63–64].

Интерес левых, антисистемных политических сил к научно-публицистическому творчеству Дж. М. Кейнса стал одной из предпосылок развертывания кейнсианской революции в экономической теории и политике, которая завершилась становлением нового и весьма популярного направления мировой экономической мысли – кейнсианства, названного по фамилии его основателя и вдохновителя.

По мнению Р. Скидельски, биографа Дж. М. Кейнса, доктрина, признававшая причиной разрушения мира скорее глупость, чем злой умысел, и кейнсианская революция привлекали умных. Кейнсом двигала не столько жажда справедливости и равенства, сколько недовольство плохим управлением обществом. Это было новое либеральное настроение. Притязания на право управлять следовало обосновывать компетентностью, а не идеалами, которые стоили слишком дорого. Кейнс считал себя частью «светского духовенства», задававшего ценностные и поведенческие нормы и предлагавшего обществу руководство, приспособленное к новой действительности. Речения Кейнса привели к парадоксальному результату. «Экономические последствия мира» сделали его героем левых, к которым он никогда не принадлежал. С тех пор интеллигенция левого фланга прислушивалась к тому, что говорил Кейнс. Способность Кейнса говорить с позиций центра с обеими сторонами политического размежевания сыграла критически важную роль в зарождении и развитии кейнсианской революции. [2, с. 451, 452, 456].





В. И. Ленин по состоянию здоровья не смог выехать в Геную, а Дж. М. Кейнс прибыл туда 8 апреля 1922 г., чтобы освещать для газеты «Манчестер Гардиан» («Manchester Guardian Commercial») Генуэзскую экономическую конференцию. По мнению биографа английского экономиста, задание было странное, поскольку Кейнс наверняка понимал, что конференция с участием двадцати девяти стран мало чего достигнет, тем не менее, это «покушение на журналистику» добавило «тринадцать статей к его рабочей нагрузке и тысячу фунтов к его доходу». В Генуе Кейнса больше всего интересовало присутствие русской делегации, впервые после войны приглашенной «присоединиться к размышлениям европейских первосвященников». Попытки заключения разумных сделок с Россией блокировало настойчивое требование французов признать царские долги. Кейнса это ужасало, напоминая повторение Версаля с его вздором о миллиардах [2, с. 534, 536, 537].

Продолжением заочного диалога Дж. М. Кейнса с В. И. Лениным стала статья «Россия», опубликованная в «Манчестер Гардиан» 6 июля 1922 г. Экономист-корреспондент размышлял о судьбе России, вовлекая в разговор своего визави. Более того, содержание и тональность разговора воспринимались как попытка найти компромисс с Советской властью, снять накал политического противостояния, признать новую Россию «нормальным», полноправным субъектом международных отношений, дать свою интерпретацию современной истории.

Дж. М. Кейнс писал, что во время революции 1917 г. в России власть оказалась захваченной тремя силами: крестьянами, жаждавшими земли; энтузиастами коммунистической догмы, верившими в революционные мифы; фанатиками разрушения, которые ненавидели старый режим больше, чем любили новый. Ученый не верил, что политические лидеры, Ленин и его воинство сильно заинтересованы наладить экономику коммунизма. Революционный коммунизм в их руках представлял лишь удобный инструмент смещения. Лидеры России, как и повсюду в мире, – политики, а не экономисты. Создав свою экономику в конкретной атмосфере, они открыты для любой новой экономики, имеющей иную атмосферу. Именно третья группа лиц завладела рычагами реальной власти, показала высокую интеллектуальную компетентность. История революций не содержит такого примечательного или холодного и блестящего восхождения, как карьера Николая (sic!) (вероятнее всего, Дж. М. Кейнс использовал латинское слово не для уточнения псевдонима В. И. Ульянова, а для игры смыслов, для продолжавшегося сопоставления нового политического

лидера с его предшественником – императором Николаем II) Ленина, ныне завершившаяся, но не из-за капитуляции или ухода с исторической сцены, а в силу физической болезни. К 1921 г. пал доктринальный режим, оказавшийся глупым и неэффективным. Чтобы спастись, Ленин направил свою администрацию по пути компромисса, известного как новая экономическая политика. Мифы сделали свое, и стало ясно, старый режим уже *полностью* разрушен. Работа Ленина была завершена [15, с. 147].

Жизненно насущным было признание политико-экономических ошибок Западной Европы после окончания мировой войны в отношении Советской России и полноправное признание интересов Российского государства. Дж. М. Кейнс отмечал, что Западная Европа пристрастно реагировала на развитие дел в России. Предрассудки, невежество, террор, отсутствие исторического чутья исказили перспективу. Первой реакцией западных стран была тревога по поводу политической компетенции революционных властей – как бы их влияние не распространилось на Запад. По этой причине западные страны выделили деньги для неудачных военных экспедиций. Теперь возникла тревога по поводу экономической некомпетентности революционной власти и ее возможных воздействий на экономическое здоровье западных стран, которая заставляет их принимать далекие от реальности решения, например, поддерживать в Генуе требования иностранных владельцев российских облигаций, одолженных старым режимом. А если бы Запад видел свой путь четко и в правильном направлении – требования этих владельцев не довели бы над ним. В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов. Ведь глупо негодовать на молнию или ужасаться вулкану, как бы он не создал прецедентов [15, с. 147–148].

Обращение Дж. М. Кейнса к В. И. Ленину продолжилось и после смерти вождя большевиков. Посещение Советской России в конце лета 1925 г. навеяло раздумья ученого-экономиста о моральной ценности капитализма и ленинизма. В декабре 1925 г. из-под его пера вышел «Краткий очерк о России» (в публикации на русском языке был предложен неудачный перевод названия «A Short View of Russia» – «Беглый взгляд на Россию»), «который принято считать одной из самых жестоких среди всех когда-либо появлявшихся нападок на советский коммунизм» [2, с. 645, 646].

Отвечая на поставленный вопрос, что такое коммунистическая вера, Дж. М. Кейнс использовал термин «ленинизм», тем самым констатируя, что результатом деятельности В. И. Ленина



стало формирование нового направления мировой политико-экономической мысли, которое кроме рационального измерения имеет еще две мировоззренческие ипостаси – идеологическую и религиозную.

По мнению Дж. М. Кейнса, ленинизм – странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, – религии и бизнеса. Этот факт шокирует, потому что бизнес, подчиняющийся такой религии, становится крайне неэффективным. Подобно другим типам новой религии ленинизм спешит избавить повседневную жизнь от ее колорита, нарядности и свободы, требуя от приверженцев единообразия и суровости, несправедливо и безжалостно преследует противников, неразборчив в средствах, преисполнен миссионерским рвением и вселенскими притязаниями. Ленинизм есть верование небольшого числа ведомых демагогией фанатиков, озабоченных пропагандой и преследованием инакомыслящих; он действительно есть религия, а не просто партия, и Ленин – это Магомет, а не Бисмарк. В ленинизме начисто отсутствует сверхъестественное начало; его эмоциональное и этическое ядро концентрируется вокруг индивидуальных и общественных установок в отношении любви к деньгам [16, с. 138–140].

Дж. М. Кейнс писал: «Я симпатизирую тем, кто находит в Советской России нечто хорошее. <...> Для меня, возвращенного в атмосфере, не замутненной ужасами религии и страхом, ... Красная Россия наполнена многим таким, что вызывает неприятие. <...> Как мне принять теорию, которую необходимо принимать как Библию – вне и выше всякой критики, – но которая похожа на устаревший учебник по экономике, не просто научно неправильный, но читаемый без всякого интереса и к современному миру неприменимый?» [16, с. 139].

Английский ученый-экономист с большим уважением и пониманием относился к Ленину-политику, высоко оценил его профессиональные успехи. Дж. М. Кейнс говорил о сложности и противоречивости реформирования российской экономики после революционных потрясений. Ленинизм – нетерпимая к инакомыслящим миссионерская религия и одновременно – экспериментальная экономическая техника. Экономическая система Советской России подвергалась и подвергается ускоренным изменениям. Без особого риска здесь применим лишь метод проб и ошибок. Трудно найти более искреннего экспериментатора, чем Ленин, во всем, что не касается основ его мировоззрения. Поначалу было много неясности. Например, доктрина, утверждавшая, что деньги

должны быть устранены, сегодня считается ошибочной; признается, что в использовании денег как инструмента распределения и учета нет ничего, не совместимого с коммунизмом. Так, почти все представители некоммунистической интеллигенции с довоенным образованием находятся сейчас на правительственной службе на ответственных постах с довольно высоким жалованьем. Частная торговля вновь узаконена, хотя она непрочна и ее деятельность затруднена; иностранные капиталисты, которым предоставляются краткосрочные преимущества по сравнению с государственным импортом, могут рассчитывать, что деньги будут возвращены по приемлемому курсу. Однако неустойчивый характер подобных мероприятий не позволяет делать общие выводы относительно Советской России. Если же попытаться сделать обобщение, исходя из нынешнего положения вещей, то оно сведется к следующему: даже при низком уровне эффективности система все же функционирует устойчиво. [16, с. 141].

Дж. М. Кейнса считал, что «моральные проблемы нашего времени сосредоточиваются вокруг любви к деньгам, если учесть, что в девяти случаях из каждых десяти мы непременно обращаемся к денежным мотивам, когда речь идет о наших повседневных делах; если учесть присущее всем людям стремление к индивидуальной экономической безопасности – предмету наших главных вождельний; если учесть, что деньги получили у нас всеобщее одобрение как мера подлинного успеха, что фундаментом семейного благополучия и будущей благосостояния выступает скрытый в нас инстинкт к накопительству. Моральный авторитет религий, которые вызывают все меньше и меньше интереса у большинства людей, постепенно снижается... Революция, с точки зрения нашего стиля мышления и отношения к деньгам, вполне способна ответить на растущие ожидания современников, жаждущих идеала. Вероятно, поэтому Русский Коммунизм представляет собой первый, хотя и очень запутанный, вариант великой религии» [16, с. 144].

Искреннюю симпатию вызывало личное желание Дж. М. Кейнса: «Россия никогда не будет представлять для нас серьезного интереса, если она не станет моральной силой. И сегодня, когда дело сделано, и ничего не возратить, я хочу дать России шанс – помочь ей, а не препятствовать» [16, с. 145].

### Результаты

Диалог Дж. М. Кейнса и В. И. Ульянова-Ленина был разговором двух выдающихся личностей всемирно-исторического масштаба, общением, которое далеко выходило за узкие рамки злободнев-



ной задачи формирования новой экономической политики в международном хозяйстве и внутри отдельных стран. Продолжавшийся несколько лет диалог был поразительным, выбивавшимся из сонма традиционных примеров, когда разговор вели собеседники, симпатизировавшие друг другу, разделявшие рациональные взгляды, ценности и жизненные установки. Оглядываясь назад, весьма непросто понять, что же побуждало постоянно обращаться друг к другу столь разных людей, казалось бы, не имевших между собою ничего общего.

Не претендуя на объяснение причин ведения диалога, его содержания, логики, аргументированности, личной заинтересованности собеседников, можно высказать некоторые соображения. Вовлечение оппонента в разговор на основе выявления у него положений, согласовавшихся с исходными тезисами собеседника, качественно усиливало наполнение риторики. Несмотря на эмоциональный и личностный формат ведения диспута, вопреки традициям, полемика опиралась на инновационную разработку фундаментальной политико-экономической теории. Обе публикации авторов – «Экономические последствия мира» и «О продовольственном налоге» – следует признать шедеврами мировой экономической мысли, в которых изложены оригинальные способы объяснения макроэкономической динамики международного хозяйства и национальных экономик в условиях деградации военного времени. На этом пункте следует сделать акцент, ибо в современной макроэкономической теории рассматриваются по большей части статические причинно-следственные связи, а отдельные попытки анонсировать создание более глубокой и содержательной эволюционной концепции явно уступают трансформационному макроэкономическому анализу Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина. В диалоге собеседников выявление закономерностей, повторяющихся причинно-следственных связей решало двуединую задачу: раскрытие логики развития исторических событий в контексте конъюнктурных макроэкономических колебаний и соответствующей трансформации социально-политических и экономических институтов.

Взаимное общение Дж. М. Кейнса и В. И. Ленина поддерживалось в режиме «*Ab voce, ad rem*» – от слов к делу. Высказанные собеседниками серьезные мысли находили свое реальное воплощение. Доказательство невозможности сохранения системы и оплаты взаимных долговых финансовых обязательств ведущих участников мировой войны позволило Советской России с полным правом отказаться от погашения накопленных государственных долговых обязательств

предыдущих правительств. Осознание возможности возвращения России в сложившуюся на протяжении последних десятилетий структуру международного разделения труда подготовило предпосылки развертывания отечественного сырьевого экспорта и налаживания промышленного импорта, тесного и взаимовыгодного сотрудничества с Германией, приглашения ведущих мировых держав к концессионной деятельности в нашей стране. Призыв Дж. М. Кейнса к возобновлению полноценных российско-германских политико-экономических отношений воплотился в заключении Рапалльского договора в рамках Генуэзской международной конференции. Наконец, переход от политики военного коммунизма к нэпу, от деградации к восстановлению российской экономики со всей полнотой товарно-денежных отношений и рыночных регуляторов создал условия для привлечения иностранного капитала и наращивания внешней торговли. Переход к новой экономической политике, одобрительно воспринятый участниками диалога, знаменовал собой начало долгосрочного тренда укрепления социально-экономической системы советской власти.

#### Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М. ; Л. : Госиздат, 1924. 136 с.
2. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель : в 2 кн. Кн. 1. М. : Моск. школа политических исследований, 2005. 784 с.
3. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М. : Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
4. Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, Фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 37. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 1–19.
5. Ленин В. И. Е. А. Преображенскому 29 июня 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 51. М. : Изд-во политической литературы, 1975. С. 225.
6. Ленин В. И. Телефонграмма Л. Б. Каменеву 17 июля 1920 г. // Ленин В. И. Полн. Собр. соч. : в 55 т. Т. 51. М. : Изд-во политической литературы, 1975. С. 240–241.
7. Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 41. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 215–235.
8. Ленин В. И. Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Доклад о концессиях // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 42. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 55–83.



9. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 205–245.
10. Булатов В. В. Концессионные отношения в СССР. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. 226 с.
11. Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 289–338.
12. Ленин В. И. Проект директивы заместителю председателя и всем членам генуэзской делегации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 374–376.
13. Ленин В. И. Проект постановления ЦК РКП(б) О задачах советской делегации в Генуе // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 406–408.
14. Ленин В. И. Поправки и замечания к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 45. М. : Изд-во политической литературы, 1975. С. 63–64.
15. Кейнс Дж. М. Россия // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 146–148.
16. Кейнс Дж. М. Беглый взгляд на Россию // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 137–145.
6. Lenin V. I. Telephone message to L. B. Kamenev on July 17, 1920. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 51* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 51]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1975, pp. 240–241 (in Russian).
7. Lenin V. I. Report on the international situation and the main tasks of the Communist International on July 19. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 41* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 41]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 215–235 (in Russian).
8. Lenin V. I. Collection of the assets of the Moscow organization of the RCP (b) December 6, 1920. Report on concessions. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 42* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 42]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 55–83 (in Russian).
9. Lenin V. I. On the food tax (The meaning of the new policy and its terms). In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 43* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 43]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 205–245 (in Russian).
10. Bulatov V. V. *Kontsessionnye otnosheniya v SSSR* [Concession Relations in the USSR]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 226 p. (in Russian).
11. Lenin V. I. On the internal and foreign policy of the Republic. Report of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on December 23, 1921. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 44* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 44]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 289–338 (in Russian).
12. Lenin V. I. Draft directive to the vice-president and all members of the Genoese delegation. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 44* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 44]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 374–376 (in Russian).
13. Lenin V. I. Draft resolution of the Central Committee of the RCP(b) About the tasks of the Soviet delegation in Genoa. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 44* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 44]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 406–408 (in Russian).
14. Lenin V. I. Amendments and comments to the draft statement of the Soviet delegation at the Genoa Conference. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 45* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 45]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1975, pp. 63–64 (in Russian).
15. Keynes J. M. Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1991, no. 7, pp. 146–148 (in Russian).
16. Keynes J. M. A Short View of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1991, no. 7, pp. 137–145 (in Russian).

## References

1. Keynes J. M. *Ekonomicheskie posledstviya Versal'skogo mirnogo dogovora* [The Economic Consequences of the Peace]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1924. 136 p. (in Russian).
2. Skidelsky R. *Dzhon Mejnard Kejns. 1883–1946. Ekonomist, filosof, gosudarstvennyj deyatel'. v 2 knigakh. Kniga 1* [John Maynard Keynes. 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman: in 2 books. Book 1]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2005. 784 p. (in Russian).
3. Goldin V. I. *Interventsiya i antibol'shevistskoe dvizhenie na Russkom Severe. 1918–1920* [Intervention and the anti-Bolshevik movement in the Russian North. 1918–1920]. Moscow, Moscow University Press, 1993. 200 p. (in Russian).
4. Lenin V. I. Speech at a joint meeting of the All-Russian Central Executive Committee, Moscow Council, Factory and Factory Committees and Trade Unions of Moscow on July 29, 1918. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 37* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 37]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 1–19 (in Russian).
5. Lenin V. I. To E. A. Preobrazhensky on June 29, 1920. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 51* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 51]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1975, p. 225 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 10.11.2021  
The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 10.11.2021